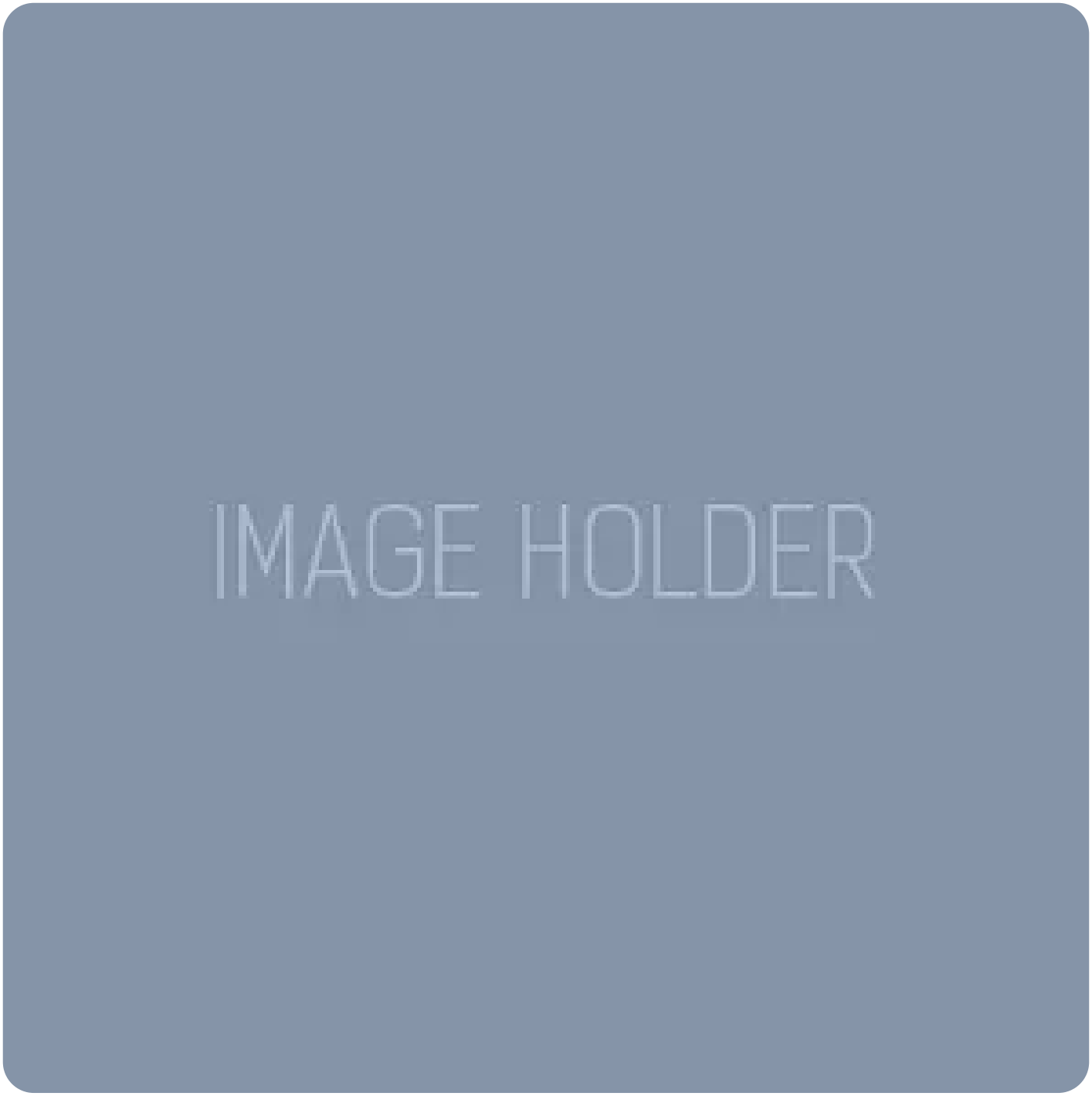

Миссис Винчестер и мистер док. Миллиган

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Дмитрий Рыжук

Ссылка на публикацию

Её длинные пальцы нежно касались клавиш рояля, спокойно и легко. А его взор всегда был неотрывно прикован к тому, как она играла. Он завороженно следил

за тем, как она медленно поднимала вверх свои чудесные и ухоженные руки, любуясь каждым их изгибом.

Когда играла мисс Винчестер, мягкие, глубокие звуки окутывали всю комнату, и всё играло и замирало, а с прекращением всё затихало так, будто эти живые и на слух досягаемые ноты были необходимы, чтобы жить, как если бы нуждаться в кислороде, чтобы дышать.

Шестилетняя девочка, Шарлотта Винчестер, учившаяся у миссис О’Нильски урокам пианино по семь часов в сутки ежедневно и с перерывом в один только день, научилась не только играть, но и всему доступному, что знала и она: правилам этикета, манерам общения и поведения в обществе. Она приходилась ей двоюродной тётей по материнской линии и являлась ей чуть ли не самой матерью. Её мать была так благодарна за всё, что она сделала для её дочери, что вот уже каждое утро, видясь с ней, великодушно повторяла одно только слово: «Спасибо!» — на дню по сто раз, на протяжении вот уже всего времени.

Они жили в небольшом особняке, который достался по наследству её матери. В нём всегда пахло стерильной чистотой и старой нотной бумагой.

В скором времени в город пришла эпидемия тяжёлого гриппа, и мучительная болезнь, настигшая её мать, появилась, дескать, из ниоткуда, при которой она едва могла только двигаться. Задыхаясь, она была очень слаба, и обессиливание, и ломка внутри организма заставляли трещать каждую косточку в теле, которая так и просилась переломиться пополам. Поскольку её мать была больна вот уже достаточно долгое время и не могла никак поправиться из-за ослабленного иммунитета, всю ответственность и обязанности брала на себя её сестра, которая приходилась юной Шарлотте Винчестер тётей. К тому же и она сама, будучи ребёнком, училась и помогала чем только могла и что было в её силах.

Годы летели, и она, в конечном счёте, пройдя все этапы обучения и окончив всевозможные курсы, стала и сама передавать свой опыт и навыки.

Что касается мистера Миллигана, то он найдёт и узнает её только через пару лет, на одном из её концертов.

Мальчик с трудным детством, Дэн Миллиган, рос в минимальном достатке у матери и отца в одной христианской семье. Бедно, худо, но вырос. Он не жил с роскошью в особняках, как жила Шарлотта, не одевался по последней моде, не мог даже есть целыми днями. Но нужно отдать должное его родителям, которые вырастили из него потрясающего, воспитанного и просто хорошего человека.

Он не был единственным врачом в семье. Его младшая сестра, которая тоже училась на медицинском факультете и стажировалась у него, стала медсестрой. Его прадед и дед тоже были докторами, а точнее, работали в чуть другом направлении медицины. Они были хирургами-реаниматологами, но словно постоянно не жили, а выживали. И только через десяток лет, когда Дэн пошёл по тем же стопам, это стало настоящей традицией, и их тяжкий труд стал более оплачиваемым.

Его отец работал в магазине запчастей, продавая всё нужное для техники. Прибыль была не велика, и он, и его сестра, которая была младше его на пять, может быть, шесть лет, параллельно помогали родителям. Это была не только финансовая помощь (доходы со временем стали играть особенно большую роль в их жизни), но и любая физическая поддержка.

Д-р Миллиган, будучи врачом, спасал множество больных и беспомощных людей с опасными диагнозами, которые боролись за жизнь, — от детей до стариков. Его неограниченный профессионализм, волшебные руки и силы делали из него (по большому счёту и мнению всех в округе) настоящего героя.

1926 год, Сакраменто. Год, навсегда изменивший их.

Спустя два мучительно долгих и трудных года они наконец-таки встретились в одном их калифорнийских театров, где и была она. Заметив друг друга боковым взглядом, они синхронно повернулись и, встретившись лицом к лицу у стойки гардероба, он промолвил:

— Добрый вечер, мисс… — В неловком моменте он замер на долю секунды.

— Винчестер! — добавила она.

— Простите мою грубость и глупость, мисс Винчестер!

Она слегка улыбнулась и продолжила:

— Это ничего! Мы случайно нигде не встречались?

Раздался писклявый и тревожный звонок в его ушах, и он переспросил:

— Простите?!

— Мы уже встречались? — с более высоким тоном повторила она.

И он пал в ступор. В его воспоминаниях мелькнула одна крайне редкая фигура. Он тотчас же вспомнил и быстро ответил ей с удивительным видом:

— Я... я вас припоминаю, мисс! Ваша матушка...

— Ах да! Вот так судьба! Простите, а как вас? — она, безумно вытаращив на него свои большие и зелёные глаза, перебила. — Вы тот самый врач! Я права? Ну, ещё раз: так как вас, мистер?

— Я Дэн! Дэн Миллиган! Очень приятно.

Его спокойная улыбка играла на лице.

— Рада знакомству! Вот что, мистер Миллиган! Я, по всей видимости, должна быть вам безмерно благодарна!

— Ну что вы, не стоит! Это моя работа! Как она?

— Она превосходна! Лучше просто не бывает! Спасибо!

— Что ж, я рад! И кстати, потрясающее выступление!

— О! Вам понравилось?

— Да! Безусловно! Это было грандиозно! Особенно композиция "Atonement"! Шикарно! Просто потрясающе! Вы превосходны!

— Благодарю вас, мистер Миллиган! Это один из моих лучших и любимых когда-либо мною придуманных вальсов!

— Ваша уникальность завораживает и заставляет меня восхищаться каждым сыгранным вами аккордом!

— Вот как?

— Да! Так.

Так они и провели целую уйму времени за разговорами, не отходя от стойки гардероба, общаясь и узнавая друг о друге так много. Но этого было так мало, что как будто бы они и не знали друг о друге ничего. Словно совершенно незнакомые люди.

Она показывала ему свой профессионализм, как нужно не просто уметь играть, чувствовать этот инструмент, эту всемирную и вечно живую классику, а он знакомил её с медициной, рассказывая ей, как не просто быть врачом, а спасать жизни ради самой жизни.

Он был младше её всего-то на два с половиной года, но эти два с половиной года сказывались на нём больше, чем на ней. Он даже не подозревал, что она скоро,

очень скоро будет играть для него, спасая его самого этой музыкой жизни, в то время как он будет спасать других. Он не мог себе представить, что его умелые (с точечным, безошибочным опытом и достигнутым временем уровнем) руки и её музыка будут работать в одном темпе, как одинаково бьющиеся два сердца, без помех, без какого-либо ускорения и замедления, побеждая саму смерть.

Шарлотта была по-своему настоящей виртуозной и блестящей пианисткой, чья музыка и образ словно умели говорить и латать разбитые сердца, в особенности его. Её чистый, спокойный голос всегда разрезал напряжённую тишину, и звуки, издаваемые из-под рояля, всегда действовали не только на него, но и на тех, кто был в радиусе этого внимательного момента, как мгновенное лекарство.

Он был пропитан ею, созданным живым творением, и под её влиянием был сам настолько жив, что его силы, переполнявшие его, делали из людей по-настоящему живых, здоровых и счастливых, любивших жизнь только потому, что живы.

Их изменённые взгляды, менявшие их самих, делали из них не ходячих двуногих существ, а реалистичных и мотивированных на остаток их ценного времени торопливых человеческих душ.

Однако не всегда всё шло хорошо. Были случаи, когда он не мог ничего сделать. За это чувство сожаления грызло его изнутри, заставляя смотреть на беспомощных, ни в чём не повинных людей. Эта беспощадная несправедливость по отношению к ним была беспощадной и к нему, не давая никакого права на ошибку. Подавленное и угнетённое состояние выбивало его из колеи. Его руки тряслись, дыхание учащалось, и его мокрый и высокий лоб, на котором были крупные капли пота, был бледен, бледнее всего существующего на свете. Оцепеневшие пальцы, приступы паники и ступор, словно неподвижная гора, которую невозможно сдвинуть с места, — всё завладело им и, стало быть, начало управлять. Его мозг, подающий сигналы манипуляции над собственным телом, был вынужден сдаться. Всё казалось ему чем-то бесполезным для решения предпринять важнейшие действия. Его сломленное тело не слушало его, поступая самовольно. Он чувствовал себя настоящим похитителем чужих жизней. К счастью, он понял одну вещь в самое нужное ему время: не всегда выходит так, как хочешь ты. Эта непредсказуемая вещь, называемая жизнью, которую никто не способен контролировать. Бывает так, что всё рушится на глазах, и ты не в силах это предотвратить. Но бывает, что всё идёт к лучшему, не давая самому же себе и шанса сделать так, как хотел. Неважно, несчастные ли это случаи или нет, никто не застрахован от всего на свете.

Понимание, что никто не вечен, успокаивало его, и что его силы не могут оказывать полного влияния на человека, лишь только попытки, которые не всегда могут оправдываться. Плохое или хорошее, всё в скором времени исчезает.

На всё то принятие, на которое у него ушло не менее суток, было столько важным, сколько было и для неё. Помощь, оказанная Шарлоттой Винчестер, помогла ему открыть глаза на всю ту горечь, что сжирала его. Признак поддержки со стороны Шарлотты, значивший так много и говоривший так мало (что было и так ясно при одном только взгляде на неё), стал для него тем самым действенным средством воли, необходимым для преодоления. И каждый раз её виртуозная игра задавала ритм и успокаивала пульс. Её симфония, наполненная прелестной мелодией, звучала как единое целое.

Ритм, который она извлекала из-под клавиш рояля, идеально совпадал с биением сердца любого живущего человека и другого живого существа. И для него её музыка была не просто фоном, заглушающим приглушённые звуки, а настраивала чувства и концентрацию разума даже в критические моменты.

Каждый аккорд смывал усталость, а каждая мелодичная пауза давала время для единственно верного решения. Музыка творила настоящее спасение, соединяя искусство и медицину.

Её способность к гипнотизации за счёт мелодий была чем-то невероятным, будто она была создана специально для него, чтобы он мог продолжать, в то время как она — творить.

Всё созданное ею разрушало все грани невозможного и тем самым уничтожало любой хаос. Её музыка — не просто терапия для ушей и душ, а подталкивающая и управляющая часть самой игры, которая и делает человека человеком. Конечно, метод мистера Миллигана и мисс Винчестер был, можно сказать, не так хорош и эффективен, но, как показывает практика, в большей степени всегда приводил их к успешным результатам (может быть, на девяносто девять процентов из ста).

Она не просто была готова копировать всё созданное, но, придумывая собственное, делала так, что сама тишина не находила себе ни одного укромного местечка, лишь бы исчезнуть. Она оживляла воспоминания, смывала тяжесть прошлого, а он дарил людям новую, подлинную надежду.

В один из обычных вечеров, когда климат ухудшился, он стоял у окна так долго, что, пошевелившись, чуть не свалился с ног. Его надежда на то, что погода наладится, была ложной. Снаружи бушевала гроза, и капли дождя бились о

стёкла, словно пытаясь пробиться сквозь них и разбить, заглушая то, что должно было произойти. Охвативший холод пробежал по его спине, и дрожью его руки покрылись мурашками, приподнимая волосы, будто наэлектризованные.

Буквально через несколько секунд, когда раздался звонок, он, отойдя от окна, резким движением сорвал трубку телефона, будто ждал его. Совсем незнакомый, с грустью в голосе, говорил так тихо и невнятно, что он даже не стал переспрашивать и понял, о ком и о чём может идти речь. Его тревожное предчувствие ещё больше усиливало волнение. Переместившись к квартирной парадной двери, словно телепортируясь, он выбежал на лестничную клетку, где под ногами обнаружил свёрток письма у почтового ящика, видимо, до конца не засунутый внутрь рукой почтальона. Он лежал так небрежно, точно мусор. Поняв это, он тотчас забыл, куда направлялся, и стал читать.

«Дорогой мистер Миллиган, — пишет мама Шарлотты, — Шарлотты отныне нет! О, Господи, я не могу поверить в это, я не нахожу себе места, я не знаю, как мне теперь быть! Моя милая девочка! Что теперь будет? Однако я делюсь с вами этим известием, потому что должна и знаю, как она была вам дорога. И мне известно, что вы друг к другу чувствовали. Я пишу, чтобы поблагодарить вас за всё, что вы сделали для нас, в особенности для меня, и я не могла вас не предупредить об этом весьма страшном горе. Мне очень тяжело писать, но я обязана вам передать её последнее слово. Я не нашла его значения, но, быть может, вы разберёте?

Перед тем как её не стало, она была в сознании и сказала, что во что бы то ни стало я должна буду вас известить, и словом этим было — «Atonement!»»

Он рухнул на колени.

Простояв с минуту, с неохотой поверив в это, он в ужасе вбежал по лестнице вверх и вошёл в дверь квартиры. На том же месте, где поднял этот конверт с письмом, остались лишь мокрые следы пятен его непринятых и горьких слёз.

Его осенило. Он точечно понял это слово. Затем, недолго ни о чем не думая, стало быть, начал искать ручку и лист бумаги, чтобы написать ее матери и узнать причину. Как вдруг, своей поспешностью все напутал и, бросив все, рванул к ним.

Добежав до трамвайной остановки, сел и, спустя некоторое недолгое время, вышел. Он прошел еще несколько сотен метров и, пройдя по мостику, который переправлял на ту сторону и где протекал небольшой ручей, остановился у самого особняка. Он сильным нажатием пальца зажимал звонок, но никто не открывал. Затем, ломившись, долбил всеми руками и ногами по двери, чтобы

хоть кто-то мог услышать, но, увы, все та же гробовая тишина. Пустота. Ни ее матери, ни миссис О’Нильски, а теперь, судя по всему, ни ее. Он пробыл у двери целых шесть долгих, как вечность, часов, и, сидевший спиной к ней, ничего не мог расслышать внутри.

В отчаянии и с потерей контроля он запутался на знакомых ему улицах, когда стал возвращаться назад.

— Она когда-то так назвала свою мелодию, — впадал он в догадки, — и называла ее одной из лучших. Наверняка ее мама не была в курсе ею придуманного, что даже не знала названий ее музыки! Но винить ее было бы неправильно, так же как и то, что я не смогу это принять.

Прошла почти неделя, но с ним так больше никто и не связывался. Никаких новостей о причине. Более того, никакой информации о ней самой.

Его глаза были потухшими. Он пытался поверить. Он думал, что, может быть, это письмо было адресовано не ему, что, вероятно, кто-то мог ошибиться, или, что хуже, она могла солгать! Но зачем это ей? К тому же, прямое обращение к нему и её имя подтверждали, что письмо было подлинным. Оно было действительно самым подлинным из всех подлинных писем на всём белом свете.

Со временем он стал ещё больше раздумывать, и вполне возможно, если это так, то всё уже состоялось и без него.

Только подумать, скольких людей он вернул к жизни? Но не сумел помочь ей! Сколько раз ему говорили спасибо? Но в итоге его будто огородили! Во всё это было очень трудно поверить, однако это чистая правда, когда все стали говорить об этом. Изо всех источников информации доносились новости. Об этом говорил каждый прохожий. Газеты, и те писали. Она стала знаменитой, но причин этой странной тайны так никто и не знал.

«Ушедшая вместе с последним румянцем на её бледных щеках, с таким тяжёлым выдохом и промелькнувшей улыбкой, промолвившая только одно слово — atonement!» Все. Так говорили все. Абсолютно каждый.

Пролетевшие полгода, словно вчера, показали ему, как быстро всё изменилось. Явно не ожидая уже ничего лучшего, он уселся на кровать с чашкой остывшего утреннего кофе, пристально глядя на её инструмент, будто всматриваясь в неё саму. В комнате, пропитанной её запахом и чуть падающим от окна пыльным светом, посреди которой стоял её старинный рояль.

Подойдя к нему медленным и тихим шагом, он остановился в метре от него. Простояв на своём месте с минуту, где всегда и стоял он, когда она играла, задумчиво поглаживая крышку, покрытую толстым слоем пыли, он занял её место.

Не успела до конца приоткрыться эта закрытая штука, которая служила, вероятно, защитой клавиш, как его пальцы злостно взлетели над клавиатурой с безумной, нечеловеческой лёгкостью. Он слегка прикрыл глаза, потом приоткрыл, сузив их. Но сухие и бессонные глаза за одно только мгновение покрылись сверкающими капельками солёных и горьких слёз. И, исполняя что-то неуклюжее и закрыв свои мокрые глаза, он рисовал в уме очертание её лица и необычайный образ.

Она показалась ему совсем хрупкой, почти прозрачной в тусклом солнечном и пыльном свете. Он играл ещё долго, и время уже для него ничего не значило. Он был вне осознания, сколько прошло, лишь продолжая играть.

Позже и его пальцы стали мокрыми и скользкими, что он стал промахиваться по клавишам рояля и ещё с большей нелепой неудачей пытаться повторить её меланхоличную мелодию «Весь мир узнает». Он медленно шевелил губами, проговаривая слова, словно читал молитву. Раньше он мог только слышать, теперь же все совсем по-другому. Он стал этим пианистом, и играя только для нее с пришедшим к нему осознанием, понимал, что она больше не услышит, и никто и никогда больше не будет способен расслышать.